

Forrier, L. Portraits of royal ladies on Greek coins. London, Spink, 1939. 72 p.

Miles, G. C. Byzantine weight validated by al-Walid. New York, Am. numismatic soc., 1939. II p. (Numismatic notes and monographs, № 87).

Pink, K. Römische und byzantinische Gewichte in Oesterreich. Sammlungen. Mit 12 Abb. Baden b. W., Rohrer, 1938. 112 S. (Sonderschriften d. österr. archäol. Inst. in Wien, 12).

Справочники

Ἐεξικὸν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης Α'. Ἱστορικὸν Λεξικὸν τῆς Νέας Ἑλληνικῆς τῆς τε κοινῶς ὀμιλουμένης καὶ τῶν ἰδιωμάτων. Τόμος Β'. ΑΝ-ΑΠ Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. Athen, Hestia, 1939, 647 S.

Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. Doctrine et histoire. Publ. sous la direction de M. Viller. Fasc. VI. Bibliothèques — Byzance. Fasc. VII. Cabasilas — Cassien. Paris. Beauchesne, 1937.

Bar Bahlul. Lexicon syriacum, voces syriacas graecasque cum glossis syriacis et arabicis. Paris, 1940. 39, 246, 1049 p.

Crum W. C. A coptic dictionary. Part V. Oxford, Clarendon Press 1937. VIII. 573—744 p.

Е. Елеонская

Сектор истории Фундаментальной б-ки
ОН АН СССР

НОВАЯ СЕРИЯ ЖУРНАЛА «BYZANTION»

После пятилетнего перерыва мы получили 2 тома¹ (XV и XV) „Byzantion’a“; это первые вышедшие в США тома, куда журнал, спасаясь от фашистских варваров, перенес свое местопребывание и научную традицию. Мы вновь находим в нем широкий подход к изучению Византии в ее тесных исторических связях со всеми культурными народами Старого света. В частности, в журнале ясно выражен интерес к древнейшей истории русского народа и народов СССР в ее взаимоотношении с историей Византии. Свежо и интересно трактуется также ряд основных проблем внутренней истории Византии. Ввиду труднодоступности журнала в данное время для советских историков, мы даем обзор его содержания в виде кратких

¹ Byzantion. International Journal of Byzantine Studies, vol. XV (American Series, I), 1940—1941, Boston, Mass., 1941; vol. XVI, fasc. I (American Series, II), 1942—1943, Boston, Mass., 1944.

рефератов всех содержащихся в обоих томах статей, не входя, однако, в критику научных позиций тех или иных авторов работ, опубликованных в этом журнале.

BYZANTION

International Journal of Byzantine Studies, vol. XV (Amer. Series 1)
1940—1941. Boston, Mass., 1941

СТАТЬИ

Quasten, Johannes. *A Coptic Counterpart to a vision in the Acts of Perpetua and Felicitas*, pp. 1—9.

Видение небесной лестницы в страданиях Перпетуи — мотив, заимствованный в жизни этой святой из древнеегипетской и эллинистической мифологии. Христианские мученики рассматривали свой подвиг как переход от земного к небесному существованию и рецепировали мотив небесной лестницы. „Деяния Перпетуи и Фелицитаты“ были переведены на греческий язык и оказали влияние на коптскую агиографию.

Coster, C. H. *Synesius, A Curialis of the Time of the Emperor Arcadius*, pp. 10—38.

Основываясь, главным образом на „Письмах“ Синезия, автор рисует его как типичного представителя провинциальной средней знати. Деятельность Синезия, как куриала, самый факт принадлежности его к сословию куриалов, говорят о том, что принятое представление о жалком положении куриалов поздней Империи требует существенной поправки.

„Речь“ Синезия к императору свидетельствует о высоком развитии гражданского самосознания в Империи, о сохранившейся в известной мере политической правоспособности курий и куриалов, о конституционных началах императорской власти.

Автор обращает внимание на совмещение Синезием положения куриала с властью епископа, цитирует высказывания самого Синезия по этому поводу. Подробно рассказав про победу Синезия в столкновении с Правителем Пентаполя — Андроником, автор квалифицирует этот эпизод как материал для характеристики положения куриалов.

Downey, Glanville. *The Calendar reform at Antioch in the fifth century*, pp. 39—48.

Две греческие надписи из Сирии, опубликованные в 1870 г., позволяют установить, что в Антиохии между 449 и 483 гг. была проведена реформа календаря; начало года было передвинуто с 1 октября на 1 сентября. Это привело к хронологическим неточ-

ностям при сопоставлении счета индиктионов со счетом лет по Антиохийской (селевкидской) эре. Малала и Евагрий противоречиво датируют землетрясение в Антиохии, случившееся около этого времени, сопоставляя его с хронологией правления Льва I; автор находит выход из этих противоречий, ранее исследовавшихся Клинтонем, Лицманом, Иделером, Норисом, исходя из реформы календаря показаний Сирийской *Liber Chalifarum* и биографии Симеона Стилита.

Charanis, Peter. *Coronation and its constitutional significance in the later Roman Empire*, pp. 49—66.

Автор указывает, что в существующей литературе по данному вопросу наибольшую распространенность имеет взгляд W. Sickel'я, утверждающего, что коронация императора патриархом не имела религиозного содержания и была чисто государственным актом в котором патриарх выступал представителем избирателей, и что, таким образом, введение акта коронации не было конституционным новшеством. Бюри высказывает по этому поводу два противоположных мнения. F. Dölger как и некоторые другие немецкие византилисты, вообще отрицает конституционное значение коронации.

Византийские авторы (Феодорет, Константин Порфирородный и др.) уделяют коронации большое внимание и отмечают ее религиозное и политическое значение. Ссылаясь на ряд примеров на протяжении всей византийской истории, автор доказывает, что в акте коронации церковь давала высшую санкцию императорской власти; византийское государственное правосознание оправдывало свержение народом императора, нарушившего свою религиозную клятву. Византийцы рассматривали власть патриарха как основной столп конституции. И при многочисленных захватах императорской власти санкция ее коронацией оставалась неизменно необходимой. То же наблюдается в истории болгарской и сербской царской власти.

Vernadsky, G. *Byzantium and Southern Russia*, pp. 67—86.

Анализ списка епископатов Готской архиепископии, имеющегося в *Notitia episcopatum*, опубликованной де-Боором в 1891 г.. Этот документ состоит из одновременно возникших частей, в частности список епископатов Готии заключается в позднейшей глоссе, составленной не ранее 861—862 г. Этот список возник из отчета Константина-философа („апостола славян“ Кирилла) о своей миссии у хазар патриарху Фотию; ученый миссионер посетил все епископии Готии, за исключением Тмутараканской, места обитания тмутараканской Руси, которая была христианизирована почти в это же время, но не Кириллом. Хазарские епископии и епископия тмутараканская были включены в архиепископию Готии, а не составили архиепи-

скопии Хазарии вследствие оппозиции Хазарии проникновению византийского политического влияния через церковь. В начале X в. готская архиепископия распалась; существенную роль при этом сыграло крещение Руси. Что касается обращения хазар к юдаизму, то это объясняется политической нейтральностью этой религии, что было удобно Хазарии в ее лавировании между Византией и халифатом. Дата этого обращения определяется автором путем сопоставления данных Масуди и „Жития Константина“; это дает дату *post quem* — 860—861; дату *ante quem* дает латинский источник *Expositio in Matthaeum* Христиана из Стабла, по прозвищу Друтмара, именно 866 г.

Frantz, A. *Digenis Akritas: a byzantine epic and its illustration*, pp. 87—91.

Недавно найденные на афинской агора фрагменты византийской керамики XII—XIII вв. дают образцы иллюстрации византийской художественной светской литературы. Это иллюстрации к нескольким эпизодам византийского эпоса о Дигенисе Акрите; изображенные эпизоды свидетельствуют о широкой распространенности отдельных народных песен о Дигенисе, из которых далеко не все вошли в поэму, составленную в X в.

Grégoire, H. *Notes on the byzantine epic. The greek folk-songs and their importance for the classification of the russian version and of the greek manuscripts*, pp. 92—104.

Археологические открытия, подтверждающие существование народных песен о Дигенисе Акрите, на основе которых создавалась византийская поэма (см. выше ст. А. Франца), открывают новые возможности для классификации рукописей поэмы. Степень близости к народной песне определяет возраст данного рукописного варианта, возраст рукописи или ее архетипа. Анализируя рукописи поэмы с этой точки зрения, автор устанавливает основные моменты ее древнейшей тематики; поэма в своем древнейшем виде была павликианской, враждебной императору Василию I. Автор устанавливает отдельные детали рукописных вариантов, характеризующие хронологическое соотношение рукописей и вариантов, и дает соответствующую таблицу всех существующих рукописей поэмы. Изданный текст поэмы воспроизводит одну из поздних и далеких от оригинала рукописей.

Автор считает, что настало время предпринять критическое издание поэмы.

Ter Nersessian, S. *Remarks on the date of the menologium and the Psalter written for Basil II*, pp. 104—125.

Ватиканская рукопись менология датируется историками искусства приблизительно 1000-м годом. Анализируя текст, автор привле-

кает сообщения о землетрясении 989 г. в памятниках, связанных с менологием, прежде всего с синаксариями Сирмондианского кодекса, а также агиографические памятники, в частности биографию Луки Стилита, историю Льва Дякона, Яхьи Антиохийского. Устанавливается дата *post quem*—979—989 гг.; *terminus ante quem*—989 г. С этой точки зрения анализируется правление и личность Василия Второго; в конечном итоге рукопись менологии датируется 986 г., а псалтири—1019 г. Вторая часть статьи посвящена миниатюрам Ватиканской рукописи, анализу биографических данных о церковных деятелях, изображенных на этих миниатюрах.

Willoughby, H. *Vagrant folios from family 2400 in the Free Library of Philadelphia*, pp. 126—132.

За последние десять лет в США были опубликованы две великолепные византийские рукописи, так называемые фамилии 2400. Рукопись, принадлежащая *Free Library of Philadelphia*, содержит произведения новозаветной литературы; она принадлежит к фамилии 2400 и совершенно соответствует (по всем основным признакам) рукописи Национального музея в Палафмо. Автор дает краткую историю главных однотипных рукописей и заканчивает описанием Филадельфийской рукописи.

Buckler, G. *Writings familiar to Cecaumenos*, pp. 133—143.

Отражение в трактатах Кекавмена „*Strategikon*“ и „*Logos Nouthetikos*“ библии, произведений греко-римской и византийской литературы. Наибольшее число цитат—из Ветхого и Нового завета, главным образом социально-этического содержания; при использовании библии Кекавмен ни разу не касается ересей. Много цитат из „Экклезиаста“—литературно-психологического характера. В нескольких местах Кекавмен использует Кассия Диона, причем некоторые его цитаты могут рассматриваться как новые фрагменты историка. Одним из главных источников Кекавмена была „*Tactica*“, приписываемая Льву VI, откуда заимствуются и общеисторические и военные данные. В поучительной части трактата Кекавмен использует „*κεφάλαια παρανετικά*“, приписываемые императору Василию Первому.

Giorgio Levi Della Vida. *A christian legend in Moslem Garb.*, pp. 144—157.

Происхождение, развитие и распространение христианского сюжета о женщине, которая заставила убить себя, защищая свою честь. Этот сюжет встречается в обширном, но мало изученном труде египетского араба Ибн-Ас-Субки (год смерти—1370), содержащем весьма разнообразный исторический материал, и может по-

служить отправным моментом для критики текста Ибн-Ас-Субки. Здесь героиней является жена последнего калифа Аль-Муташима, не желавшая стать наложницей завоевателя Хулагу. Сюжет получил широкое распространение в мировой исторической и художественной литературе. Наиболее раннюю трактовку сюжета надо, повидимому, искать в греческой литературе; но греческий текст этой трактовки до нас не дошел, а сохранился в арабской и грузинской версиях. Н. Я. Марр, издавший грузинскую версию, приписывает ее Антиоху Стратигу, монаху монастыря св. Саввы начала VII в.; эта версия представляет собой гомилию на взятие Иерусалима персами в 614 г. Отсюда этот сюжет перешел в поздневизантийскую литературу, в Италию эпохи Возрождения (Барбаро, Ариосто), в Польшу XVI в. (*Martinus Cromer Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum*).

Мусульманским вариантом сюжета является рассказ Ибн-Ас-Субки. Другая, повидимому более поздняя линия развития и распространения сюжета связывается с коптской биографией александрийского патриарха Михаила (744—768), написанной его секретарем Иоанном Диаконом. Отсюда этот сюжет был заимствован христианско-арабским автором „Истории александрийских патриархов“ Севером Ибн-Аль-Мукаффа, труд которого, в свою очередь, был источником для Эль-Макина и Абу-Салиха, написавшего в XIII в. историю церквей и монастырей Египта. Мусульманский автор XIV в. Аль-Макризи кратко упоминает о данном сюжете. Проникновение христианского сюжета в арабскую литературу следует изучить более глубоко, так как это дает основу для наблюдений над культурным взаимодействием византийского и передневосточного мира.

Gregoire H. *The Question of the diversion of the fourth crusade, or, an old controversy solved by a latin adverb*, pp. 158—166.

Для византиниста несомненно, что конечная цель и направление IV крестового похода были заранее обдуманы и решены. Однако недавно последний издатель Виллардуэна Фараль (*M. Faral*) доказывает обратное в *Revue Historique* за 1936 г.; именно он считает, что захват Константинополя крестоносцами был непредвиденной случайностью. Фараль отводит показания основных источников как недостоверные и, основываясь на анализе текста Никиты Хониата, утверждает, что бежавший из Константинополя византийский принц Алексей прибыл к крестоносцам летом 1202 г., когда они уже были готовы к отплытию к сирийским берегам. Прибытие же Алексея перевернуло все их планы. Между тем, сам Никита Хониат утвер-

ждает, что взятие Константинополя было исполнением папской воли. Тенденциозная ошибка Фаралья состоит в том, что он рассматривает изложение Хониата как хронологически последовательное. Между тем, это совершенно неверно, в чем можно убедиться только при овладении трудным греческим подлинником, чего Фараль не сделал. Папское письмо от 16 ноября 1202 г. окончательно разоблачает Фаралья „*Nos autem imperiali prudentia aliter duximus respondendum, quod predictus Alexius olim ad praesentiam nostram accedens*“... Прекрасная работа *Usseglio. L. I Marchesi di Monferrato* (1926 г.) показывает, как глубоко была заинтересована семья Бонифация Монферратского в захвате Константинополя.

Alexander P. J. *A chrysobull of the emperor Andronicus II. Palaeologus in favor of the see of Kanina in Albania.*

Описание и публикация текста хрисовулла Андроника II от 1307 г. с филологическим и историческим комментарием. Об этой рукописи, хранящейся в Pierpoint Morgan Library of New York City, до сих пор не было упоминания в литературе. Между тем, она принадлежит к редкому типу хрисовуллов, снабженных миниатюрами; на данной рукописи имеются изображения Андроника II и девы Марии, представляющие историко-искусствоведческий интерес. Данный документ по своему содержанию является подтверждением владельческих прав епископской кафедры в Канине; этих прав епископат лишился в результате предшествующей политической борьбы в Византии. Alexander комментирует документ, касается истории взаимоотношений Византии с другими балканскими странами со времени Василия II, а также историю тесно с ними связанных отношений Византии к южно-итальянскому королевству. В самом документе останавливает на себе внимание вступление, трактующее о теоретических основах императорской власти. Интересны далее данные о своеобразном синкретизме кровной мести с византийским уголовным и гражданским правом.

Charanis P. *Internal strife in Byzantium during the fourteenth century, pp. 208—230.*

Главной причиной окончательного падения Византии после Михаила Палеолога была внутренняя борьба между аристократией и низшими классами. Ряд городских восстаний установил на тот или иной срок народную власть в ряде городов, причем эта социальная борьба была тесно связана с борьбой за императорскую власть. Восстание в Адрианополе 1341 г. и особенно восстание зилотов в Фессалонике в 1342 и 1345—1349 гг. характеризуются писателями-современниками и участниками событий, как движение социально-революционное. И. Кантакузен сообщает в своей

„Истории“: „Чернь, при всех обстоятельствах, считала своим долгом сохранять лояльность по отношению к императору Палеологу, тогда как люди, обладавшие собственностью, были искренно расположены к императору Кантакузену или, во всяком случае, были обвиняемы в этом восставшей беднотой“. И. Кантакузен и другие авторы рисуют картину гражданской войны с проявлением страстной ненависти друг к другу борющихся сторон. Восставшие захватывали власть и устанавливали свое управление. Особенно глубоко было движение в одном из крупнейших центров тогдашнего мира — Фессалонике. Во главе восставших масс, ядром которых были многочисленные в городе моряки, стояли представители рода Палеологов. Богатые и знатные бежали из города или подвергались избиению и уничтожению. Никифор Григора, писатель-современник, дает характеристику социально-политического режима, установленного восставшими, и, перечислив все известные науке того времени о государстве формы правления, заявляет, что установленный зилотами порядок не был похож ни на одну из них, но был странной властью черни. Зилоты выдвинули социально-политическую программу, которую они обосновывали и теоретически; они считали необходимым для спасения и возрождения государства произвести конфискацию крупного землевладения, как светского, так и монастырского; этот фонд они считали необходимым обратить на поддержку масс и армии, которая комплектовалась из этих масс.

Иоанн V признал эту „Фессалоникскую коммуну“ и послал туда из Константинополя своего уполномоченного, который, впрочем, не сумел найти с ней общий язык. Charanis отмечает, что движение, сходное с выступлением зилотов, имело место и в Трапезундской империи. Эти яркие выступления масс не были случайным явлением, вызванным резким ухудшением политической и экономической конъюнктуры Византии в середине XIV в.

Он подчеркивает „народную традицию“ Византии, большую постоянную и организованную активность народных масс, главным центром которой был ипподром; он указывает также и на существование непериодического представительного собрания, созывавшегося императорами для решения важных вопросов, причем в этих собраниях были широко представлены трудовые массы. Восстания XIV в. были вызваны политическими и экономическими причинами; в связи с резким территориальным сокращением Византии должен был сильно возрасти налоговый гнет; варварские вторжения и гражданские войны сильно ухудшали положение масс.

Не прекращавшаяся в течение XVI в. борьба между знатью и центральной властью, поддерживаемой широкими массами, пара-

лизовала все попытки укрепить положение государства. Эта борьба не была прекращена и завоеванием византийской территории турками. Социальные причины лежали в основе гражданской войны между сыновьями Баязида, приведшей к поражению при Анкаре в 1402 г. Вождем социального и религиозного движения среди турецких масс выступил шейх Бедреддин, проповедывавший своеобразный коммунизм и стремившийся на этой почве слить мусульманство с христианством. После разгрома войска, поддерживавшего Бедреддина, он бежал в Валахию, откуда рассылал эмиссаров, обращавшихся и к христианскому и к мусульманскому населению. Эта пропаганда вызвала серьезное крестьянское восстание, разгромившее две регулярные армии, но затем подавленное.

Гибель византийского государства была, по формулировке Хараниса, следствием близорукого домогательства своих интересов со стороны народа — являлся ли этот народ массами, аристократией или императорской фамилией.

Da Costa Louillet, G. *Y eut-il des invasions russes dans l'empire Byzantin avant 860? Pp. 231—248.*

Статье предпослано предисловие Н. Grégoire'a, в котором цитируется работа Baumgarten'a „Aux Origines de la Russie“ в „Orientalia Christiana“ (Рим, 1939), в опровержение „химер“ Васильевского о вторжениях руссов в Византию до 860 г. Н. Grégoire утверждает, что никакой проблемы происхождения Русского государства и народа, в сущности, теперь не существует ввиду доказанной правильности норманистской теории.

Основным утверждением статьи Da Costa Louillet является положение, что истории известны только два нападения руссов на Константинополь: в 860 и 941 гг. Упоминание о руссах в *Анналах Пруденция Треценского* под 839 г. имеет в виду не народ руссов, а лишь скандинавских купцов; то же следует сказать и о ранних сообщениях арабских авторов об руссах. Различение А. А. Васильевым руссов южных, известных уже в VI в., и северных, появляющихся в источниках только с IX в. — ошибочно, так как южные руссы были теми же скандинавскими купцами и воителями, что и северные. Сведения о древности русских письмен в Крыму (в „Житии св. Константина“) аннулируются догадкой, что письмена эти были сирийскими. Основанный в 733 г. Саркел был защитой против печенегов, а не против руссов. Упоминание о вторжении руссов в Византию в житии Стефана Сурожского является перенесением в это произведение соответствующего мотива из „Жития Георгия Амастридского“; этот последний памятник не является произведением диакона Игнатия (первая половина IX в.), как

доказывал Васильевский, а представляет собой позднюю компиляцию Симеона Метафраста, т. е. относится к X в. Основным аргументом автора статьи для всех этих положений является не доказываемое им положение, что до 860 г. у руссов не могло существовать государства, следовательно [?] они не могли делать вторжений в Византию, а появлялись лишь в образе купцов. Таким образом, в „Житии Георгия Амастридского“ отражено вторжение 941 г. и оба исследования В. Г. Васильевского, с точки зрения автора статьи, являются вполне опровергнутыми.¹

Segre *A. *Inflation and its implication in early byzantine times*, pp. 249—279.

Автор опирается, главным образом, на данные папирусов; его выводы преимущественно относятся к Египту; во второй половине статьи эти выводы, с оговорками, распространяются на Византийскую империю в целом.

Между второй половиной III века и началом VII серебряные и медные монеты почти непрерывно теряли свою стоимость по отношению к *Edictum de pretiis rerum venalium* и солиду; золотым монетным единицам соответствовало все возрастающее количество серебряных — денария, египетских драхм, антониниана в его различных наименованиях. Этот процесс находил свое отражение в монетной политике императоров — Аврелиана, Диоклетиана, Константина и его преемников, Анастасия и Юстиниана; эта политика сводилась к девальвации демонетизированной монеты и введению вместо нее монеты полноценной; борьба с инфляцией, однако, не приводила к прочным результатам. Цены росли скачкообразно. Падение стоимости монеты зависело, в известной мере, от падения стоимости золота, всякий раз сопровождавшее падение стоимости разменной монеты и развитие инфляции; золото в монете стоило дороже, чем в натуре. Особенно остро низкая покупательная способность золота сказалась в конце III и первой половине IV в., когда одновременно имели место войны и стихийные бедствия; этот период является одним из самых ужасных в истории человечества.

Представление о развитии инфляции в Египте дает одна из приводимых автором таблиц, из которой видно, что *aureus* в 270 г. стоил $133\frac{1}{3}$ денария, а в VI в. — 60 000 денариев. Для характеристики денежного обращения во всей империи привлекается

¹ Положения, высказанные в этой статье, с которыми не может согласиться советская историческая наука, были подвергнуты критическому разбору в докладе Е. Э. Липшиц на сессии Отделения истории и философии АН СССР 30 октября 1946 г.

Codex Theodosianus и нумизматические данные. Инфляция здесь развивалась приблизительно так же, как в Египте. В смысле монеты и ее обращения, вся империя представляла собой единство, являвшееся одним из моментов латинизации империи. Интересно отметить, что в конце VI и в VII в. в Византии наступает частичная стабилизация денежного обращения.

Taubenschlag R. *The legislation of Justinian in the light of the Papyri*, pp. 280—295.

Вначале автор отмечает, что уже один из первых выпусков Юстинианова кодекса был переписан в Египте, как это показывают Оксиринхские папирусы. Далее в статье исследуются отражения различных частей кодекса в современных Юстиниану правовых документах Египта. Среди этих документов автор отмечает большое количество контрактов, заключенных рабами от имени своих господ, как об этом сообщают сами рабы-контрактанты в тексте папирусов. Миттейс указал на применение в этих сделках конституций кодекса. Далее рассматриваются материалы по брачному и наследственному праву, опеке, дарственному праву, сервитутам, обязательствам и. т. д. Во всех этих юридических папирусах ясно проступает применение норм Юстинианова права. Отражены в папирусах и некоторые теоретические положения Юстинианова законодательства, — например, о „справедливой цене“, — а также и формально-процессуальные нормы кодекса.

Mc Carthy, B. *Literary reminiscences in Psellus's Chronographia*, pp. 296—300.

Литературные заимствования М. Пселла до сих пор почти не изучены. В своей хронографии М. Пселл заимствует литературные обороты не у Лукиана, как на это указывал E. Renauld в своей работе „Etude de la langue et du style de Michel Psellos“ (Paris, 1920), а у Плутарха — „De Malignitate Herodoti“; автор устанавливает также литературные заимствования Пселла у Платона.

La Monte, J. *The significance of the crusaders' states in the medieval history*, pp. 300—315.

Важность изучения крестоносных государств мало признавалась историками; даже в книге O. Tatcher and F. Mc Neal. *Europe in the Middle Ages, N. A.*, 1920, авторы считают государства крестоносцев незначительными и преходящими явлениями. Однако и противоположная точка зрения находит сторонников в последнее время. Эти две точки зрения на крестовые походы возникли еще во время самих походов. Осевшие в Сирии, Палестине крестоносцы освоили эти страны и стали патриотами своей новой родины; наоборот, крестоносцы позднейших очередей были в гораздо боль-

шей мере воителями-пришельцами, часто воевавшими не только с неверными, но и с крестоносными государствами и их отдельными феодальными представителями. Крестоносные государства являлись средневековым эквивалентом колониальных империй нашего времени. Это были всеевропейские колонии христианства, представлявшие все народы Европы. Крестоносцев нельзя рассматривать только как отбросы европейского общества, ибо они создали наиболее развитый и совершенный тип феодализма, достичь которого европейские государства не смогли вследствие процессов внутреннего разложения. В крестоносных государствах сложился особый местный интернациональный тип людей, вполне сознававших себя таковыми, как об этом свидетельствуют их собственные высказывания; эти высказывания, вместе с тем, полны деловых, политических и экономических интересов. Автор, цитируя Вильяма Тирского, Лиудольфа фон-Зухема, наблюдателя XIV в., показывает, что „франки“ крестоносных государств превратились в купцов, ремесленников, находившихся в тесных взаимоотношениях с окружающим мусульманским миром, так же как и с европейскими государствами; военные столкновения происходили не из-за религиозных, но из-за торговых интересов и чаще имели место между самими христианами, чем между христианами и неверными. В крестоносных государствах городские интересы преобладали над сельскими. Названные авторы описывают богатство и роскошный облик сирийских городов в руках крестоносцев; в статье подчеркивается культурное сближение Европы и Востока на территории крестоносных государств, в результате которого культурное влияние мусульманского Востока проникало в Европу и являлось одним из истоков европейского Возрождения XV и XVI вв.

Vasiliev, A. A. *The empire of Trebizond in history and literature*, pp. 316—377.

В статье дается историографический обзор всех работ, специально посвященных Трапезундской империи, начиная с XVII в. Первым автор называет труд Афанасия Даймонокаталята (Δαίμωνο-κατάλυτες), — трапезундского митрополита, давшего описание и историю прославленного монастыря Сумела, находившегося недалеко от Трапезунда и неразрывно связанного с судьбами Трапезундской империи. Этот труд ни разу не был издан, но им воспользовался позднейший архимандрит монастыря Парфений Метаксопул, издавший в Лейпциге в 1775 г. свою краткую историю Трапезундской империи на греческом языке. В настоящее время известны всего четыре экземпляра этого издания. В XVII в. появилось много работ о Трапезундской империи, в частности в Венеции — прославляющий Комнинов

труд Минаати. Знаменитый *Du Cange* в своей *Familiae Byzantinae* посвятил Трапезундской империи не мало места, но в его время источники были крайне скудны. В XVIII в. появляются всего две работы. В начале XIX в. появилась работа скандинавского историка Аффелиуса, не утратившая своего значения и теперь, несмотря на то, что она написана до открытия Фальмераayerом самого основного источника — хроники Михаила Панарета. Фальмераayer открыл новую эру в разработке истории Трапезундской империи: во-первых, благодаря открытию основного первоисточника, во-вторых, благодаря изучению других материалов на месте в Трапезунде; в результате, Фальмераayer дал первую развернутую „Историю Трапезундской империи“. Опираясь на этот труд, писали: Финлей, давший в своем основательном труде весьма отрицательную характеристику трапезундского общества и государства, Куник, Иоаннидес, Фишер и др. Взятие Трапезунда русскими войсками в 1916 г. вызвало появление ряда работ, в том числе работы В. Безобразова, отметившего мировое историческое положение Трапезундской империи. В 1926 г. крупнейший английский специалист по поздней византийской истории *W. Miller* выпустил книгу: *Trebizond: The Last Greek Empire*, в которой популярность сочетается с серьезными научными качествами. В 1929 г. вышли „Очерки истории трапезундской империи“ Ф. И. Успенского, давшего много новых археологических материалов, так же как и исторических выводов; Ф. И. Успенский подчеркивает определяющее влияние местных лазских элементов на историю империи, ее гораздо большую связанность с Тбилиси и Грузией, чем с Константинополем и Византией; отмечает развитие местных феодальных начал. Книга Успенского начинает новый, после Фальмераayerа, этап в изучении истории Трапезундской империи. Далее, в статье излагается трактовка этой истории в больших общих исторических трудах, начиная с Монтеस्कье, Гиббона, Лебо, продолжая Папарригопуло, К. Хопфом, Герцбергом; особого упоминания заслуживают страницы, посвященные Трапезундской империи у *W. Heyd'a* в его известной *Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age*. (последнее французское издание 1923 г.), где выявляется мировое торговое положение трапезундских территорий. Далее Васильев кратко останавливается на *Weltgeschichte* Ранке, на очерке византийской истории Г. Гельцера, Ш. Дила и др., среди которых следует отметить „Историю греческих государственных финансов“ Андреадеса, вышедшую в 1918 г. на ново-греческом языке. В *Cambridge Mediaeval History* Васильев констатирует полное невнимание к Трапезундской империи, несмотря на участие в IV т. *W. Miller'a*. Наоборот, весьма интересную трактовку культурно-исторического

значения империи дает не специалист *R. Bayron* в своей общего характера книге „*The Byzantin Achievement. An historical Perspective A. D. 330—1453*“.

Указав, что работы *N. Yorga* ничего не дают для истории Трапезундской империи, Васильев отмечает ценную трактовку этой истории у Г. Острогорского в его *Geschichte des byzantinischen Staates*, вышедшей в 1940 г. Васильев цитирует и упоминания о Трапезундской империи в *Истории Византии* М. В. Левченко, отмечая их как первую попытку марксистского подхода к византийской истории. Упомянув общие работы по истории Византии — Кулаковского, Ф. И. Успенского, К. Н. Успенского, С. П. Шестакова, *N. Baynes'a*, *Ch. Diehl'a*, *G. Marçais*, *Amantos*, — как не касающиеся Трапезундской империи, в силу своих хронологических границ, — Васильев останавливается на своей полемике с Ф. Дельгером (Месарит, как источник) и Иорга (о роли грузинской царицы Тамары в истории Трапезундской империи) и, в связи с этим последним, упоминает о работе К. Туманова *On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgia Queen Thamar (Speculum XV, 1940)*; заканчивает он свой историографический обзор упоминанием о Трапезундской империи в больших общих и специальных энциклопедиях. В заключительной части статьи рассматривается трактовка Трапезундской империи в мировой художественной литературе; в рыцарской литературе эта тема была одной из самых популярных; этот мотив встречается у Сервантеса, у Мильтона, в венецианской литературе XVII в. (*II Calloandro*), неоднократно встречается тема Трапезундской империи и в литературе XIX и XX вв.

Voegelin, E. *The Mongol Orders of submission to european Powers, 1245—1255*, pp. 378—413.

Монгольское завоевание восточной части Европы создало угрозу проникновения монголов и на запад; это вызвало ряд посольств от папы и французского короля к великому хану в Каракорум. Посольства эти (Плано Карпини, Асцелино) должны были выяснить международное положение и защитить западное христианство от нависшей опасности. Послы доставили ответы как самого хана, так и некоторых его наместников. С другой стороны, Людовик IX французский предпринял крестовый поход в Египет и вошел в сношения с ханом Куюком, который, повидимому, принял христианство и собирался напасть на Багдад. Эти сношения выразились в нескольких посольствах (Лонжюмо, Рубрука), доставивших ряд грамот великого хана. Все эти документы сохранились, но не в подлинниках, а в латинских и старо-французских переводах.

Исключение составляют: персидское письмо Куюк-хана, сохранившееся в Ватиканской библиотеке в подлиннике, и второе письмо этого хана, латинский перевод которого был сделан с монгольского оригинала придворной канцелярией самого хана. Эти монгольские документы содержат развитую политическую теорию и представляют собой юридически четкие государственно-правовые акты. С этой точки зрения они до сих пор оставались весьма мало исследованными. Автор подвергает анализу содержание документов, прибегая к филологическим приемам, и приходит к выводу, что монгольские оригиналы представляли собой не письма, а государственные акты нескольких определенных типов; именно: провозглашение всемирной власти монгольских ханов, сообщение западным государям о том, что они включены во всемирное монгольское государство, приказы этим государям о безусловном подчинении воле монгольского хана, как представителя воли единого бога на земле. Таким образом, в этих актах содержится четкая государственно-правовая теория, согласно которой весь мир по воле единого бога провиденциально должен представлять собой единую державу; власть над этой державой вручена великому хану монголов; но еще не все народы мира включены в эту державу, которая, таким образом, находится в периоде становления. Все народы и государи, добровольно признающие над собой монгольскую власть, будут мирно продолжать свое существование; признание власти должно быть активно выражено: ... „*ei qui faciem totius orbis continent virtutem tradat*“; автор передает эти отношения термином „вассалитет“. Государи, узнавшие о становлении монгольской державы, но пренебрегшие всемирным постановлением великого хана, будут преданы смерти, а земли их — разрушению. Эти общие основы всемирной монгольской державы получают выражение в индивидуальных приказах, обращаемых к отдельным государям. Эти приказы являются вместе с тем и извещениями, в которых устанавливаются источники власти великого хана; этот источник — бог и его воля. Чингиз-хан был сыном бога и его эдикты были выражением абсолютной воли бога; так же по существу трактуются эдикты и его преемников. Эдикты эти должны доводиться до сведения на местах и лишь после этого вступают в силу. Таким образом, грамоты монгольского хана и его приближенных являлись не примитивными письменными документами, но „подлинными правовыми актами, являющими замечательную юридическую технику“, с помощью которой оформлялась стройная система политических идей. Автор приводит мнение одного из крупнейших исследователей монгольских актов (*Abel-Rémusat*), по которому контакт западно-европейской

культуры с монголами привел ее к пробуждению от средневековой летаргии. Большое число открытий и изобретений, сделанных в Европе, с этого времени имело своей основой „культурную диффузию“, шедшую из Китая, при посредстве монголов.

Topping, P. W. *Modern Greek Studies and Materials in the United States*, pp. 414—442.

Статья делится на две части. Первая часть — историографо-библиографический обзор американской литературы по истории, языку и культуре Греции с XVII в. до наших дней. Значительное место занимает литература о филэллинском движении как в США в целом, так и в отдельных штатах в начале XIX в. Однако главное место в этой части статьи занимают историко-литературные и лингвистические работы; среди последних надо упомянуть о Софоклесе и его известном словаре. Историко-литературные работы касаются почти исключительно современной греческой литературы; здесь особое внимание на себя обращает Байрониана. Большое место в обзоре занимают работы, посвященные политическим проблемам современной Греции, начиная со времени Первой империалистической войны, национальным меньшинствам Албании, Эпиру, Всебалканской федерации и др. Вторая часть статьи посвящена описанию имеющихся в США книжных фондов по истории и литературе Греции после 1453 г. Автор останавливается, главным образом, на литературе на греческом языке, которая является основной по данной теме. Несмотря на отмечаемую автором значительную неполноту имеющихся в США фондов, все же нельзя не отметить большой интерес, который представляет данная библиография для занимающихся средневековой и современной Грецией: комплекты многочисленных специальных журналов, собрание источников, как например: *Παλαιολογεία καὶ Πελοποννησιακά* Лампроса (4 vol. Athens, 1912—1913) или Собрание сочинений Георгия Геннадия и биографических данных о нем *Γεωργίου Γενναδίου βίος, Ἔργα, Ἐπιστολαί*, 2 vol, Athens, 1926) или „Исторический лексикон“ афинской Академии и др. Автор заканчивает статью указанием, что в США ведется энергичная работа по доукомплектовыванию этой литературы.

Higgins, M. J. *Why another optative dissertation* 7, pp. 443—448.

На изучении средневекового греческого литературного языка до сих пор лежит печать взглядов XVIII в. на Византию: этот язык рассматривается как упадочное явление; он находился в состоянии застоя, ему свойственны искусственные, „мумифицированные“ формы. Главной такой формой провозглашается „аттицизм“, которым определялся уже язык Филона или Климента Александрийского. Однако этот „аттицизм“ самими исследователями харак-

теризуется как совсем не аттический. Выходом из этого противоречия является изучение средневекового греческого языка, как такового, как изучается история всякого другого литературного языка. Изучение употребления желательного наклонения у Григория Назианзина обнаруживает у последнего последовательный синтаксис, хотя и резко отличный от синтаксиса Ксенофонта. Синтаксис опатива у Григория Назианзина есть звено в развитии греческого литературного языка от поздней эллинистической эпохи к III—IV вв. нашей эры, а не искусственное оживление якобы умершего позднеэллинистического синтаксиса. Если согласиться с этим, то надо признать, что до сих пор не только ничего не было известно о синтаксисе византийского греческого языка, но даже сам этот синтаксис представлялся несуществующим.

Воусе, G. T. *The legacy of Henri Pirenne*, pp. 449—464.

Автор начинает с общей характеристики Пиренна, как историка исключительной величины, как человека высокого морального облика, как гражданина, пользовавшегося огромным уважением всей страны. Затем он переходит к характеристике литературного наследия Пиренна, отмечает не только громадный объем и ценность содержания напечатанных литературных трудов Пиренна, но и большое влияние на последователей и после его смерти. Это влияние выражается в созданной им школе, числящей десятки крупных имен его непосредственных учеников, уже посвятивших своему учителю несколько томов ценных сборников; это влияние поддерживается двумя крупными работами самого Пиренна, изданными его учениками после смерти учителя: „L'Histoire de l'Europe des invasions au XVI siècle“, „Mahomet et Charlemagne.“

Последняя книга представляет крупный интерес и для историков Византии. Наконец значение работ Пиренна подтверждается многочисленными переводами его книг на иностранные языки.

РЕЦЕНЗИИ

P. Charanis. *Constantin J. Amantos*. Ἱστορία τοῦ βυζαντινοῦ κράτους: τόμος πρῶτος (395—867). *Athens*, 1939, pp. XVI+494; pp. 465—473.

Рецензия весьма положительно оценивает книгу Амантоса, как оригинальную работу, не только точно излагающую исторические события, но дающую правильную периодизацию исторического процесса, вскрывающую внутреннее содержание главных, определяющих исторический процесс фактов (роль экономического развития, взаимоотношения церкви и государства, этнографический и историко-географический состав империи и ее взаимоотношения

с окружающим историческим миром); при этом Амантос стремится выяснить положительные стороны всемирно-исторической роли Византийской империи.

Halecky, O. *Aziz Suryal Atiya. The Crusades in the Later Middle Ages. London, Methuen & Co, pp. XVI—604; pp. 473—483.*

Рецензент подчеркивает важность темы, поскольку крестовые походы выражали борьбу христианства с мусульманством на широком хронологическом и географическом протяжении, далеко за 1291 г. и задолго до 1096 г. Отмечает суженное представление о крестовых походах у Атии, вследствие чего военно-политическая борьба XV в., в том числе и падение Константинополя в 1453 г., остается почти вне внимания автора. Если Атия дает много нового и интересного материала для военно-дипломатической борьбы в Египте, Северной Африке, Восточной Азии, то он почти не затрагивает Восточной Европы. В связи с этим находится то обстоятельство, что Атия мало использовал ватиканские и венецианские архивы, между тем как *Jorga* и *Delaville Le Roulx* уже извлекли оттуда ценные материалы.

Geiger B. *Arthur Christensen. L'Iran sous les Sassanides. 1936, 559 p. — pp. 483—485.*

Рецензент высоко оценивает книгу Кристенсена, дающую общий очерк всех сторон жизни и развития сассанидского Ирана; особенно подчеркивается важность трактовки вопроса о соотношении византийской и иранской культуры, иранского права.

Charanis, P. *George Koliais. Léon Choërosphactès magistre, proconsul et patrice Athens, 1939, 135 p. — pp. 485—488.*

Рецензент указывает на важность изучения Леона Хоэросфакта, как деятеля и автора, поскольку в нем находила свое отражение социальная, экономическая и культурная действительность IX—X вв. Книга Койлиаса весьма способствует ее изучению.

Starr J. *Gerhart B. Ladner. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. Medieval Studies, II., Toronto, 1940, pp. 127—149; pp. 488—489.*

Рецензент поддерживает положение автора, что иконокласты были выразителями цезаре-папизма, и выражает надежду на дальнейшее выяснение не только политической, но и социальной природы иконоборческого движения.

Vasiliev, A. *M. V. Levchenko. A History of Byzantium. A brief sketch. M.—L., 1940, 253 p. — pp. 489—495.*

В рецензии отмечено хорошее знание материала, умелый подбор источников, новый подход к социально-экономическим проблемам. Рецензент упрекает автора в недооценке византинологии дореволюционной России, а также в известном произволе при интерпретации

отдельных фактов; в заключение выражает свое удовлетворение возрождением византинологии в Советском Союзе, называя, помимо М. В. Левченко, имена С. А. Жебелева и Н. В. Пигулевской.

L. V. N. *John Masefield, Basilissa, a Tale of the Empress Theodora, New York. The Macmillan Co, 1940. Cloth, pp. 307—pp. 495—497.*

Рецензент отмечает, что, несмотря на наличие значительной литературы, посвященной императрице Феодоре, автору удалось дать яркий образ Феодоры, игравшей большую роль в правление Юстиниана I.

Vernadsky, A. *Alexander A. Vasiliev. The Goths in the Crimea, pp. 497—500.*

Рецензент отмечает невозможность дать связную историю готов в Крыму; тем большая заслуга А. Васильева, сумевшего внести полную ясность в отдельные моменты. Рецензент возражает против некоторых хронологических и историко-географических утверждений автора.

Vernadsky, V. *Albert Vogt, ed. transl. comment. Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies (Collection byzantine publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé), Paris, Société d'éditions „Les Belles. Lettres“, I (1935) Livre I: Chapitres 1—46, Texte XI. 183 p. Commentaire: XXXIII. 194 p. II (1939—1940): Livre I. Chapitre 47, Texte: XI, 193 pp. Commentaire: XVI. 205 pp. —pp. 500—502.*

Рецензент отмечает трудности издания текста *De Ceremoniis*: наличие только одной рукописи, не считая мелких параллельных отрывков, ее явно составной характер. При таких обстоятельствах издателю следовало бы точно воспроизвести текст рукописи, обозначив все свои поправки. Фогт, частично следуя прежним издателям, Рейске и Нибуру, допускает неоговоренные поправки. Не использован единственный по своей авторитетности „Исторический словарь современного греческого языка“, издаваемый Афинской академией (т. I вышел в 1933 г.).

Starr, J. *Stephenos A Xanthoudidés. Ἡ Ἐνετοκρατία ἐν Κρήτῃ καὶ οἱ κατὰ τῶν Ἐνετῶν ἀγῶνες τῶν Κρητῶν. [Texte und Forschungen zur Byzantinisch-Neugriechischen Philologie, № 34] Athens, 1939, pp. XX + 208 — pp. 502—504.*

Рецензент отмечает, что автор не только дает подробное описание восстаний на Крите против венецианского господства (1204—1669 гг.), но сообщает также ценные сведения о сельском хозяйстве острова. События XVI—XVII вв. трактованы в книге слабее, чем предшествующий период. Рецензент указывает на неполноту данной в книге библиографии.

НЕКРОЛОГ

Иосиф Стржиговский (7/III 1862—7/I 1941), стр. 504—510.

До 20 лет Стржиговский был по образованию и деятельности ткачом. Его энергия и решительность, склонность „плыть против течения“ дали возможность ткачу превратиться в студента-искусствоведа, быстро ставшего исследователем. Уже в восьмидесятых годах появляется ряд его исследований по раннехристианскому и итальянскому искусству: *Iconographie der Taufe Christi* (1885). В 1887 г. он открывает рисунки Ботичелли для „Ада“ Данте; в 1888 г. появляется его работа „*Die Calenderbilder des Chronografen vom Jahre 354*“. К этому же времени относится начало его занятий византийским искусством: в 1890 г., как результат раскопок на Афинском акрополе, появилась его статья: „*Die Akropolis in altbyzantinischen Zeit*“. В этом году он начинает свои археологические странствования по Переднему Востоку, в результате которых дает ряд исследований, подготовивших его знаменитую книгу: „*Orient oder Rom*“, вышедшую в 1901 г., в которой были сформулированы выводы, создавшие переворот в понимании истории средневекового европейского искусства и оказавшие глубокое влияние на историческую мысль вообще. Автор некролога отмечает, что в 1900 г. появилась в Петербурге работа Айналова „*Эллинистические основы византийского искусства*“, близкая по методам и выводам к работе Стржиговского; связи Стржиговского с русским искусствоведением несомненны. В 1904 г. вышла его еще более значительная книга „*Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte*“; в 1909 г. — „*Amida*“ посвященное одному из важнейших центров передневносточного искусства и культуры; в 1918 г. — двухтомное „*Die Baukunst der Armenier und Europa*“. Как показывают заглавия этих работ, Стржиговский утверждал, что определяющее влияние на развитие европейского искусства оказали искусство и культура Переднего Востока, византийско-азиатских стран. События Первой мировой войны толкнули Стржиговского частично сосредоточить свое исследовательское внимание на славянских и североамериканских странах.

BYZANTION

International Journal of Byzantine Studies, Vol. XVI, Fascicle I (Amer. Series, II), 1942—1943, Boston, Mass., 1944

Elie Bickerman. Jean-Baptiste au Désert, pp. 1—19.

Анализ рассказа Евангелиста от Луки о пребывании Иоанна Крестителя в пустыне. Не подвергая сомнению авторства и под-

линность текста Евангелия от Луки, автор анализирует текст, следуя за высказываниями по поводу этого текста ранних отцов церкви и сопоставляя евангельский рассказ с аналогичными данными о Будде, Магомете, Мани и др.

Honigmann, E. *The original liste of the members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon*, pp. 20—80.

Основываясь на сохранившихся греческих Акта вселенских соборов, списках участников названных в заглавии соборов и сопоставляя эти списки с данными Евсевия, Феодорета, Сократа, а также с латинскими и сирийской версиями Акта, автор восстанавливает древнейшие подлинные списки; в этих списках участники соборов были расположены не по странам, которые они представляли, как это имеет место в дошедших до нас списках, но по иерархическому признаку. В комментарии к списку членов халкедонского собора (521 имя), затрагиваются вопросы церковно-политической организации Византии IV—V вв.

Vernadsky, G. *Sur l'origine des alains*, pp. 81—85.

Статья дает содержание подготовляемой автором синтетической работы об истории алан в связи с ранней историей восточных славян — антов. Сравнительно-лингвистический анализ названия „Alani“ и „As“. Слово „Alani“ восходит к индо-европейскому праязыку: „elen“, славянское „Jelen“, русское — олень. Название „осетины“, „ossi“ есть видоизменение слова „As“, „Os“ связано с названием народа „Osium“, „Wousoun“ китайских хроник. „As“ — теснейшим образом связаны с названием „Anti, Antes. Название Ρωζαλανοί происходит от зендского raokchna, т. е. „блестящий“; Rukhs-As — название самого знатного племени среди алан. Эти сближения дают возможность искать предков саков-сарматов-алан в Казахстане и Семиречии. Во II в. до н. э. движение гуннов и ю-тсе увлекло алан („osun“ китайских хроник) в Фергану и Кабулистан, где они стали самостоятельной частью основанного ю-тсе обширного индо-скифского государства. Отсюда, под натиском тех же ю-тсе, аланы приняли участие в общем сако-сарматском движении на запад.

Weltzman, K. *Illustrations for the chronicles of Sozomenos, Theodore and Malalas*, pp. 87—134.

Несоответствие текстов Парижской рукописи Григория Назианзина (рукопись IX в.) с тематическим содержанием иллюстраций к этим текстам показывает, что художник в ряде случаев воспроизводил иллюстрации, а не творил их заново. С другой стороны, автор цитирует ряд мест из Созомена, Феодорета и Малалы, содержание которых близко совпадает с сюжетами анализируемых иллю-

страций. Это дает основание утверждать, что эти иллюстрации заимствованы из недошедших до нас более ранних рукописей названных хронистов. Для некоторых миниатюр Парижской рукописи текст хронистов служил источником для композиции. Эти миниатюры в известной мере дополняют содержащиеся в тексте Парижской рукописи фактические данные, что делает необходимым анализ данных по существу (история борьбы ариан и никейцев, религиозно-политическая борьба при Юлиане Отступнике, взаимоотношения Василия Великого и императора Валента). Об иллюстрациях древнейших рукописей хронистов дает представление Мадридская рукопись XIV в., содержащая текст И. Скилицы, Ватиканская рукопись болгарского перевода К. Манассы, рукопись русского перевода Георгия Монаха, и, особенно, недавно открытый папирус в коллекции Берлинского *Staatmuseum*, восходящий к началу IV в. Эти материалы позволяют установить развитие техники иллюстрирования рукописей.

Malz, G. *The date of Justinians edict XIII*, pp. 135—141.

Этот эдикт о реорганизации управления Египтом датировался большей частью исследователями 538—539 гг. Но уже Цахария фон-Лингенталь изменил эту дату на 553—554 гг. Анализ содержания эдикта приводит автора к подтверждению датировки 553—554 гг.

Wopner, C. *The Maiden's strategem*, pp. 142—161.

Литературно-сказочный сюжет эллинистической эпохи о невинной девушке, борющейся с насильником с помощью особого снадобья, получил дальнейшее развитие и широкое распространение в мировой литературе вплоть до наших дней. Автор отправляется от греческой синаксарной рукописи, приобретенной мичиганским университетом в 1922 г. Рассказ этой рукописи автор называет версией „В“ рассматриваемого сюжета; более ранняя версия „А“ дана в хронике Георгия Монаха. Этот же сюжет содержится и в анонимном памятнике византийской литературы „Взятие Иерусалима персами“, имеющемся в грузинском, армянском и арабском вариантах; здесь Wopner находит версию „С“ сюжета, особенно широко использованную в арабской литературе. Эта же версия встречается в немецкой литературе XIV в. Версия „В“ использована в итальянской литературе XV в.—Мальпегини, Ф. Барбаро. Ариосто. Наконец, в наши дни, этим сюжетом воспользовался Дж. Лондон.

Kurz, O. *An alleged portrait of Heraclius*, pp. 162—164.

Содержание рисунка на коптской рукописи VII в. книги Иова, изображающего четыре человеческие фигуры, было очень спорным. Неясно было, кого изображает мужская фигура — Иова или импе-

ратора Ираклия. В конце рукописи имеется глава об отношении Иова к царю Эдома — Иоваву. Этот последний на рисунке и изображен.

Vasiliev, A. *The Life of St. Theodore of Edessa*, pp. 165—225.

Автор дает краткую историю публикации рукописей жития Федора Эдесского и отмечает, что отдельные разделы памятника являются ценным историческим источником, до сих пор мало использованным. Между тем содержание этого агиографического памятника тесно связано с развитием иконоборчества в Сирии и Палестине; оно дает, таким образом, продолжение исторического развития этих византийских стран под арабской властью и освещает вместе с тем один из наименее документированных периодов византийской истории. Автор подчеркивает историчность личности Федора Эдесского, в противоположность сомнениям Р. Peeters'a, и считает, что автором жития был племянник Федора Эдесского — епископ Эмезы — Василий, как на это указывается в тексте памятника. Время жизни Федора Эдесского теперь может быть твердо датировано серединой IX в. Центральное место в памятнике занимает полулегендарный рассказ о крещении вавилонского царя Муавии. Эта легенда дает характеристику религиозно-политической борьбы в халифате; в основе ее лежит исторический факт борьбы и гибели арабского принца середины IX в. Аль-Мувайяда, причем связанность Аль-Мувайяда с христианскими кругами привела к канонизации этого мусульманского деятеля в качестве святого восточно-христианской церкви. Иконоборцы господствовали в христианских кругах сирийских городов; Федор Эдесский, опираясь на обращенного им халифа, вступает с ними в успешную борьбу: в ходе рассказа выступают интересные детали: обилие стилитов, религиозно-философские диспуты, конкретные описания храмов. Наличие арабских рукописей жития Федора Эдесского, в связи с самим содержанием этого памятника, выдвигает вопрос об его арабском происхождении; автор статьи отрицает эту возможность. С житием Федора Эдесского соприкасается весьма интересный греческий документ — „Письмо (трех восточных патриархов) к императору Феофилу, касающееся святых и почитаемых икон“; в этом письме сообщается о грандиозном церковном соборе, имевшем место в Иерусалиме в 836 г. (185 епископов, 17 игуменов, 1153 монаха). В письме выражается уверенность в скором переходе восточных стран вновь под власть православного императора.

Blake, R. P. and Ter Nersessian, S. *The Gospels of Bertay: An old Georgian Ms. of the tenth century*, pp. 226—285.

Описание и палеографо-искусствоведческий анализ грузинской рукописи, попавшей в США в числе сирийских несторианских

рукописей. Помимо иллюстрированного текста евангелий X в. рукопись содержит ряд надписей XVI—XVII вв., сделанных ее прежними владельцами. Эти надписи, язык которых приближается к языку грузинских хроник, позволяют определить место и время написания основного текста. Живопись миниатюр носит следы влияния раннего византийского искусства. Но основное византийское влияние проникало в Грузию X в. через посредство Армении; это общее положение подтверждается и анализом миниатюр рукописи. В XI в. Византия непосредственно оказывала культурное влияние на Грузию, как и на другие страны христианского Востока.

Charanis, P. *The strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks. 1372—1402*, pp. 286—314.

Турецкое завоевание Константинополя было вполне подготовлено глубокой деморализацией греческого общества, в частности его правящей верхушки. После окончания борьбы между И. Кантакузиным и Иоанном V Палеологом этот последний должен был бороться за свою власть против интриг и открытых выступлений своих сыновей — Андроника, Мануила и внука Иоанна. Боровшиеся стороны опирались на внешние силы — оттоманских турок, Венецию, Геную, открывая им широкую возможность прямого вмешательства во внутреннюю жизнь Византии. Иоанн V искал помощи западных политических сил, тогда как его сыновья больше ориентировались на турок; но Иоанн V, не получая поддержки с запада, вынужден был становиться в зависимость от султана Мурада I. В 1373 г. Андроник открыто выступил против отца; одновременно и сын Мурада — Саудчи — поднял восстание против отца во Фракии. Это сблизило Иоанна V с Мурадом. Но уже в 1376 г. Андроник захватил власть при поддержке того же Мурада, передав Галиполи туркам, а остров Тенедос — Генуе. В результате сложной сети интриг, излагаемых автором статьи, Иоанн V получив поддержку Венеции и Мурада, возвращает себе власть в 1379 г., превращаясь вместе с тем в фактического вассала Мурада. В 1385 г. Андроник умирает. Мануил, в качестве правителя Фессалоники, ведет антитурецкую политику, что приводит к захвату города Мурадом, который одновременно вмешивался в отношения между Мануилом, Иоанном V и Иоанном-внуком. В девяностых годах император Мануил de facto политически подчинен преемнику Мурада I — Баязиду; византийское войско участвует в походах Баязида против его малоазиатских врагов, в том числе против бывшего византийского города Филадельфии. Автор широко использует труды Дмитрия Кидона, особенно его переписку (Giuseppe Cammelli (ed.) *Demetrios Cydones. Correspondance*, P., 1930), а также недавно опубликованную

анонимную хронику: Lampros, J. and Amantos, C. Βραχέα Χρονικά. — «Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. Μνημεῖα τῆς ἐλληνικῆς ἱστορίας». Τόμος Α' (Athens, 1932—1933). Эти источники говорят о тяжелом материальном положении и культурном падении бывших византийских территорий, особенно Малой Азии, о морально-политическом отчаянии лучших людей византийского общества того времени.

Magoun, F. *Stojan Novakovic on the so-called „Serbian Alexander“*, pp. 315—338.

Английский перевод выдержек из труда С. Новаковича о так называемой „сербской редакции“ легендарной истории Александра Македонского. Перевод содержит ту часть труда Новаковича, где имеется обзор рукописей „сербской Александрии“, хронологический и историко-культурный комментарий текста рукописей. Переводчик, со своей стороны, прибавил некоторые библиографические указания.

А. К. Бергер